

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

КАК (НЕ)ВОЗМОЖЕН «КАЧЕСТВЕННЫЙ» ТЕКСТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: ДИСКУССИЯ И КОНСЕНСУС

Я верю, что мое повествование должно быть таким, будто мир — живое, неустанно формирующееся на наших глазах целое, а мы — малая и одновременно могущественная часть.

*Из нобелевской речи
Ольги Токарчук (8 декабря 2018 г.)**

Цитирование: Как (не)возможен «качественный» текст социологического исследования: дискуссия и консенсус (2020). *Журнал социологии и социальной антропологии*, 23(1): 223–232. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.1.8>

В современной науке в условиях публикационной гонки и культуры «publish-or-perish» написание и публикация научных текстов становится важнейшей и все более пристально оцениваемой частью академической работы. Несмотря на интерпретативный и лингвистический повороты в социальных науках, беспокойство о том, как «исследователи создают реальность через свои репрезентационные, текстовые и интерпретативные практики» (Lincoln, Denzin 2003: 3), пока не приводит к изменению сложившихся практик академического письма. Особенно это беспокоит ученых, занимающихся качественными исследованиями, эпистемологические основания которых нередко вступают в конфликт с позитивистскими конвенциями создания научного текста. Контекстуальность, ситуативность и рефлексивность знания теряются в безличном повествовании и наукообразном поддержании образа объективного и не зависящего от ученого результата исследования. Эмоциональная и ценностная насыщенность уступают место подчеркнутой нейтральности, анализ позиции и личной включенности автора заменяется «взглядом из ниоткуда», трудности и нестыковки опускаются для создания «причесанной» и гладкой истории. В результате «сумбурный исследовательский опыт» превращается в «авторитетный письменный отчет» (Van Maanen 2011: 1). Как же привнести в тексты принципы «качественного» письма? Как сохранить его по-

---

* Чуткий повествователь. Фрагменты нобелевской лекции Ольги Токарчук. *Culture.pl* <https://culture.pl/ru/article/chutkiy-povestvovatel-fragmenty-nobelevskoyekcii-olgi-tokarchuk> (дата обращения: 14.02.2020).

лифоничность, диалогичность и рефлексивность? Мы приводим соображения, высказанные участниками круглого стола «Качественные интервью и производство научных текстов: академические конвенции и исследовательская практика», который состоялся 7 декабря 2019 г. на конференции «Тревожное общество и сензитивная социология» в Санкт-Петербурге.

Анна Темкина, профессор и содиректор программы гендерных исследований Европейского университета в Санкт-Петербурге:

Существуют новые контексты проблематизации качественных исследований, и это влияет на то, как мы репрезентируем тексты. Мы имеем неблагоприятную среду и вызовы для качественных исследований. Во-первых, есть увлечение большими данными (big data), которое становится мейнстримом. Во-вторых, как показала история с Grievance studies, качественное исследование легко сфальсифицировать, особенно если оно посвящено гендеру, неравенству и т.д. В-третьих, мы слышим также, что качественные исследования — это «дешевые» исследования, т.е. плохие, они не интересны «настоящей» социологии, потому что их может любой сделать на коленке.

К этим вызовам добавляется политизация исследований: иностранным агентом рискует стать здесь каждый присутствующий — любое исследование можно признать политическим или нежелательным. Это вопрос риска и безопасности, и возникает ситуация, в которой можно взять результаты наших исследований и сформировать по ним обвинительный акт.

Что в этой ситуации остается — быть позитивистами, которые делают вид, что они проводят позитивистское (внеценностное, аполитичное) исследование? У меня нет идей, как поступать в этих обстоятельствах, кроме того, что их надо озвучивать, иметь в виду и понимать, какими рисками сопровождается жизнь любого исследователя и того, кто занимается качественными методами, в частности.

Если подумать, что мы живем в идеальном мире, [я бы сказала, что] мы просто должны больше рефлексировать, что мы делаем в своих исследованиях. Я бы вернулась к разнообразным феминистским эпистемологиям, которые говорят о позиции standpoint, о ситуационном и позиционном знании и выдвигают позицию «сильной объективности». Сильная объективность означает постоянный учет тех обстоятельств, которые влияют на понимание объективности, в том числе того, что социолог всегда включен в поле телом, эмоциями, субъективностью и всегда маневрирует между разными позициями власти, эмпауэрмента, рефлексии, логики этики, заботы и т.д. В этом подходе есть плюсы и минусы, но его лучше обсуждать на конкретных примерах.

Виктор Воронков, директор Центра независимых социологических исследований:

Когда в XVII в. разделились наука и литература, установились нормы научного письма, опирающиеся на просвещенческие идеи разума, и они до сих пор господствуют. Это четкие правила: максимальная экономия слова, т.е. ничего лишнего; беспристрастность, т.е. дистанцирование от своих чувств, желаний; логическая последовательность, четкость аргумента, прозрачность и определенность. Почему мы не можем преодолеть этой ситуации? Потому что мы находимся в плену позитивистских правил, это часть нашего здравого смысла. Мне представляется, что это [изменение ситуации] вопрос создания дискурсивного сообщества исследователей-качественников. Например, журнал «Qualitative Inquiry», вокруг которого сформировалась группа исследователей. Диву даешься, какие предложения по поводу другого письма они предлагают! Наша задача — создать такое сообщество и пытаться уйти от обязательных, дурацких правил, которые приняты в большинстве журналов, создать совершенно другие правила. Например, словесная экономия позволяет авторам раствориться в тексте, а мы хотим увидеть автора. Дальше, какая может быть беспристрастность? Это обманчивое качество. Мы должны рефлексировать наше пристрастие и объяснять, что за фильтр этот автор. Текст является продолжением исследования: мы пишем, и у нас возникают идеи, неожиданные мысли, чувства, и новые изменения этого текста, и это само — опровержение логической последовательности.

Когда мы приходим на дискуссии или читаем тексты, мы видим, что автор хочет создать иерархию — он знающий, он нам указывает, диктует, а мы должны изображать невежественную аудиторию. Чтобы не казаться невежественным, ученый придумывает аргументы, начинается дискуссия против автора, автор тогда давит новыми аргументами — и это замкнутый круг, так развивается наука. Мы должны с этой иерархией бороться, мы должны создавать читателя равным автору и переходить от позиции «я — ты» к понятию «мы»: «мы» вместе с читателем размышляем. Мы признаемся в своих слабостях, непонимании и хотим вместе что-нибудь сделать. Это умение быть человеком, равным другому человеку.

Полина Колозариди, интернет-исследовательница, преподаватель Высшей школы экономики, координатор «Клуба любителей интернета и общества»:

Научный текст всегда двойственен: он одновременно и акт коммуникации с научным сообществом, и артефакт, который осядет в качестве почти безликой ссылки в статьях наших последователей.

И так же двойственна наша ответственность при его написании. С одной стороны, наша роль — это представлять не результаты, а процесс. Мне нравится определение научной статьи, согласно которому она лог научного поиска, оформленная дневниковая запись: как я работал с темой X, какую концептуальную рамку я находил, как она не подходила, что я делал с полем, как мне сложно было туда войти, как я все-таки вошел, что я узнал, как это выглядит, если я погружаю это в контекст исследований, и вот мои скромные выводы.

Но одновременно статья — это промежуточный, но все же результат, завершённое высказывание. И здесь я не согласна с тем, что нам нужно отринуть те критерии, которые к нему предъявлялись. Например, мне кажется, он вполне может быть лаконичным. В нем может быть попытка ясности. Иногда в статье возникает множество разнообразных диалогичных и флюидных определений, и это мешает воспринимать нормально две статьи на одну тему. Как автор, я обычно думаю о статье как лог процесса. Но как редактор в научных журналах я по-другому начинаю смотреть на текст.

Может быть, имеет смысл разводить два этих формата: процесс и результат. Как альтернативы есть платформы, например *pubpub*, где текст пишется и люди одновременно оставляют к ней комментарии.

И на нас, как на исследователей, остается необходимость выбора: мы можем подумать, какие из этих разнообразных форматов нам кажутся адекватными и достойными введения в собственные тексты. Мы допускаем в нашей статье «услышано на конференции, не документировано»? Или мы пытаемся соотнестись с теми, кто очевидно авторитетен, чтобы более гарантировано опубликоваться? Ведь на деле каждый день мы принимаем такие политические решения.

Реплика из зала:

В продолжение темы Интернета. Почему мы должны придерживаться ограничения в печатных знаках, в интернет-статьях можно не 36 000 знаков, а шире и тогда будет больше возможностей. К сожалению, будет больше печали для редакторов, но, наверное, преодоление формальных критериев поможет нам справиться с этой историей.

И почему бы не перепридумать такую вещь, как авторская сноска? Я читала прекрасный этнографический текст XIX в., в котором человек дает большой критический обзор других текстов, и этот текст абсолютно позитивистский, но там есть ссылки постраничные, в которых он от себя говорит «я вот считаю так-то и так-то», и это «я».

Анисья Хохлова, доцент кафедры социологии культуры и коммуникации факультета социологии СПбГУ:

Начну с того, что проблемы стиля письма — это не только внешнее давление, но и внутренняя установка, наша predisposition, наш писательский габитус. Как он формируется? В силу того, что мы социализируемся внутри определенного научного сообщества и того, что мы читаем. То, как я пишу, выросло из того, что я читаю, а читаю я много и в основном то, что вполне укладывается в эти конвенциональные рамки. И да, это мы критикуем. Но можем ли мы представить себе какой-то компендиум, коллекцию альтернативных текстов, которые нам нравятся, позволяют нам быть более гибкими, более свободными, и чувствовать себя не виноватыми за то, что мы пишем иначе?

Второе — это принуждение к письму. Как преподаватель я воспроизвожу то, что мы критикуем [в ходе сегодняшней дискуссии], потому что первые тексты, с которыми приходят студенты, настолько бывают хаотичные и нужно для начала дать им какую-то структуру, потому что это для них опора, помогающая не забыть свою мысль. Как говорили когда-то художникам-авангардистам, «ты сначала научись классически писать, академически, а потом уже экспериментировать, иди в свой экспрессионизм, абстракционизм или примитивизм, докажи сначала, что ты можешь классически». И мой вопрос такой: применимо ли это к канонам академического письма? Мне интуитивно кажется, что скорее да, но, возможно, я не права, и в этом случае я своими руками ежедневно убиваю креативный потенциал в своих студентах, наношу чудовищный вред в академический мир.

Ну и наконец, когда я сама экспериментирую со стилями письма, мои эксперименты плачевны, потому что я кажусь себе революционером, а на самом деле моя смелость заключается в том, что я больше прозрачности даю своим исследовательским процедурам, пытаюсь как-то втиснуть в 12 страниц моего текста рассказ о трудностях полевой работы.

И последний вопрос — как заставить себя более радикально пересмотреть конвенции? Возможно, придумать какие-то кризисные эксперименты, которые позволят нам взломать свою академическую рутину. [Иначе] что может вынудить нас увидеть, что есть норма?

Виктор Воронков:

Я категорически не согласен, что надо изучать позитивистский стиль письма, который сегодня стандартный. Изучать его можно как историю письма. Как мы сегодня изучаем историю экономических или политических учений. Раньше писали так, а теперь будем писать иначе. И те мето-

ды, какими мы можем это передать, мы должны их поддерживать, найти в письме. Поскольку мы в поле пытаемся ресоциализироваться, чтобы изнутри понять правила, по которым люди там живут и действуют, то мы становимся фильтром на пути читателя. Нас должны понять как авторов, кто мы такие, какие жизненные события формировали именно в нас такую пристрастность.

А про компендиум текстов... Я некоторые критерии для себя выбрал: я открываю, и если вижу, что там формула или цифры, то я немедленно закрываю и откладываю в сторону. А если нет этих цифр? Тогда у меня единственный критерий: текст должен быть интересным. Мне все равно, про что: если я два абзаца прочитал и мне стало интересно, я его читаю.

Ольга Пинчук, аспирантка Высшей школы экономики, руководитель проекта фонда «Хамовники»:

Мне кажется, самое время рассказать про опыт неконвенционального письма. В 2018 г. мы в соавторстве с Дмитрием Рогозиным написали текст «На пляж 60-м автобусом: автоэтнографическое толкование стандартизированных интервью с пожилыми людьми об интимной жизни». Это были стандартизированные интервью, т.е. количественные данные. Был всероссийский телефонный опрос людей 65+ об уровне жизни, и мои коллеги из лаборатории вставили туда блок про интимную жизнь. Так как я ничего не смыслю в количественном анализе, я взяла эти данные, самые длительные беседы, и стала их просто слушать. И я написала Дмитрию Михайловичу, о том, что есть находка: женщины отождествляли начало своей интимной жизни с браком — «ну, замуж я вышла в таком-то году», или спрашивают, когда был последний интимный опыт — «ну, муж мой умер пять лет назад». Я отправила ему текст со своими размышлениями, абсолютно невежественными, потому что они были с опорой на личный опыт. Дмитрий Михайлович другого поколения, старше меня, у него есть опыт советских конвенций, и он стал спорить со мной. Дальше мы «пошли в литературу», и отсюда родилась статья, в форме диалога. В ней только две общие части — вступление и заключение, где мы пишем вместе, весь остальной текст разбит по нашим абзацам. Там есть напряжение, есть попытка спора, и в итоге мы говорим неконвенционально, ненаучно. Мы говорим, что мы не пришли к единому мнению, мы не знаем ответ на вопрос, но у нас вышла дискуссия, и мы хотели бы ее продолжать.

Анисья Хохлова:

Даже в хороших журналах есть давление в том, что касается постановки проблемы, выделения жесткого исследовательского вопроса, по-

следовательности аргументации и т.д. И в международных журналах мы вынуждены постоянно балансировать между личными предпочтениями и этим прессингом, и этот баланс всегда болезненный. Если я хочу сделать текст в соответствии с каноном качественного письма, индуктивно: как я меняла свою проблематику, какие у нас были колебания, каким образом мы добивались доступа в поле, — у меня получается своеобразный детективный роман, который разворачивается сюжетно. Он занимает столько места, что я потом его никуда [не могу «пристроить»]: выясняется, что запал есть, но и ограничивающие условия в моей жизни тоже. Если я хочу публиковаться в журналах, чтобы меня услышали, чтобы был какой-то фидбек, я безжалостно себя обрубаю, и получается, что от моего детективного романа остается спойлер.

Анна Тёмкина:

Спасибо большое, у меня созрела пара размышлений и вопрос. Во-первых, наши тексты организованы так же, как наше общество, и если мы начинаем менять тексты, то, по всей вероятности, что-то поменяется в нашем обществе. Нам как социологам это должно быть понятно.

Второй тезис: мне очень нравится идея, что нужны специальные сервисы, списки литературы, лаборатории, воркшопы. Кстати, второй год коллеги занимаются практикой феминистского письма. Новые практики возникают, но социологический язык меняется медленно.

Например, мне хочется, чтобы слово «объект» пропало из нашего языка. Мы можем просто договориться, чтобы «объекта» больше нигде не было, давайте мы его заменим на «участники», «информанты», чтобы люди больше не были «объектами».

Полина Колозариди:

Убирать объекты кажется довольно продуктивным. Но нам надо разграничивать, с кем мы общаемся в научном тексте. Имея в виду диссертационные советы, где есть комиссии из разных дисциплин или boards научных журналов, нужно писать дисклеймер, который объясняет, почему автор делает так. И если какое-то количество таких дисклеймеров ежегодно будет выступать, то ситуация может начать меняться.

Елена Бердышева: Лаборатория экономико-социологических исследований Высшей школы экономики, член редколлегии журнала «Экономическая социология».

Как редактор скажу, что мы сталкиваемся с большим дефицитом хороших текстов. И вкладываемся редколлегией часто буквально совмест-

но, чтобы повысить шанс выпустить любой текст, который к нам попадает. И у нас требований не так много.

Первое требование: качественное исследование должно быть exciting — оно должно быть интересным или должно открывать что-то, чего мы не знали. Второе, так как я тоже не верю в результат, то считаю, что количественные и качественные исследования заканчиваются гипотезой. По большому счету любое качественное исследование должно быть представлено таким образом, что автор сам свой главный критик.

Появляются иные очень интересные подходы, например визуализация становится способом теоретизировать. Если ты способен показать свою концептуальную схему до поля и после поля и видишь прирост, то это абсолютно обосновывает ценность всех твоих усилий.

Ирина Антошук, аспирантка университета Амстердама и СПбГУ:

Что побудило меня организовать этот круглый стол? Мои личные сомнения, трудности с текстами и неудовлетворенность результатами своего письма. И летние встречи в писательском кружке, организованном Аней Желниной. Удивительно было осознавать, что эта тема оказалась волнующей и для моих коллег: и для тех, кто согласился выступить, и для тех, кто пришел послушать, и для тех, кто писал и просил выслать запись круглого стола.

Сквозной темой дискуссии стало присутствие автора в тексте как основной критерий качественного письма, эпистемологическая и методологическая необходимость, как проблема стиля и объема текста. Но это не вопрос использования личных местоимений («я», «мы»). И это не вопрос авторских сносок и дисклеймеров. Честно говоря, мне не нравится эта идея. Она допускает автора в текст лишь по принуждению и обращается с ним как с бродягой — выдворяет за границы текста и прячет его в подпол, как будто он перепачкает все в лучшей гостиной. Как будто участие автора — это степень искажения или ошибки, на которую необходимо сделать поправку, в то время как текст остается гладким и «причесанным».

На мой взгляд, рефлексивное присутствие автора — это вопрос организации и проработки всего текста. Это принятие и формирование своей властной позиции и открытое признание в том, какая позиция выбрана и как она создается. Присутствовать — значит проводить вдумчивый диалог с самим собой, с другими авторами и читателями и открыто организовать взаимоотношения между ними в тексте. Это значит размышлять о нестыковках и разрывах, неожиданностях и нарушениях в полевой и аналитической работе. Открыто выражать сомнения, неуве-

ренность, чувства противоречивости и незаконченности. Выставлять напоказ свою внутреннюю мыслительную жизнь и писательскую подноготную. И, конечно, это значит рефлексировать над личной социальной позицией и личными обстоятельствами, которые оказались вовлечены в исследовательскую работу. Поэтому я люблю acknowledgements в диссертациях — живой раздел, позволяющий понять, сколько уникальных взаимодействий людей, программ, грантов и организаций сделало возможным конкретный текст.

Однако я поспорю с Виктором в том, что автор — это фильтр, передающий понимание жизни других людей, пусть и с оторефлексированным пристрастием, т.е. учтенным искажением. Задача социолога как автора — не передать истории других (возможно и нужно ли это?), а создать свою историю, сотворить нечто новое, качественно иное. В этом смысле автор царит в тексте повсюду — он выбирает, что и как говорить, кого из авторов и идей впускать в свой текст и на каких правах, кого из респондентов призвать в свидетели и в какие моменты, кому закрыть рот, с кем соглашаться и с кем спорить, кого брать в союзники и как объединить и связать всех между собой — так, свивая истории, социолог создает реальность. Вопрос в том, как децентрализовать вездесущего автора и сделать эти процессы созидания видимыми в тексте, оторефлексированными и открытыми к обсуждению?

Текст составили:

Антощук Ирина Александровна* (irinantoschyuk@gmail.com),

Колозарици Полина Владимировна**

Литература

Lincoln Y.S., Denzin N.K. (Eds.) (2003) *Turning points in qualitative research: Tying knots in a handkerchief*. Vol. 2. Rowman Altamira.

Van Maanen J. (2011) *Tales of the field: On writing ethnography*. University of Chicago Press.

---

* Университет Амстердама, Амстердам, Нидерланды / Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

** НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

WRITING QUALITATIVELY — MISSION (IM)POSSIBLE? DISCUSSION AND CONSENSUS

Citation: Kak (ne)vozmozhen «kachestvennyy» tekst sotsiologicheskogo issledovaniya: diskussiya i konsensus [Writing qualitatively — mission (im)possible? Discussion and consensus] (2020). *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 23(1): 223–232 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.1.8>

Abstract. In contemporary science, under the pressing influence of publication race and “publish-or-perish” culture, writing and publishing scientific texts is becoming one of the most important and closely monitored academic activities. Despite interpretative and linguistic turns in social sciences, a growing concern about how scholars produce reality through their texts did not lead to the dramatic change in the conventional practices of academic writing so far. Particularly, it is a source of trouble for scientists engaged in qualitative research, as its epistemological foundations regularly come into conflict with positivist conventions of scientific texts. Contextual, situated and reflexive knowledge is lost in impersonal narratives, sustaining the image of an independent research subject and an objective scientific result. Emotion- and value-laden writing is substituted by the marked neutrality, analysis of the position and involvement of the author are replaced by the “gaze from nowhere”, difficulties and disruptions are silenced to create a smooth and well-structured story. As a result, turbulent research experience is transformed into a clear and accurate report. In these conditions, how is it possible to put into practice the principles of qualitative writing? How to preserve its polyphonic, dialogical and reflexive character? This paper offers the suggestions and contemplations expressed by the participants of the round table “Qualitative interviews and the production of scientific texts: academic conventions and research practice”, which took place on the 7th of December 2019 at the conference “Anxious society and sensitive sociology” in Saint-Petersburg..

The text was prepared by *Irina Antoshchuk** (irinantoschyuk@gmail.com),
Polina Kolozaridi**

---

* University of Amsterdam, Amsterdam, Netherlands/ Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia.

** Higher School of Economics, Moscow, Russia.